

Функционально-семантические различия между словами связаны, в частности, с различиями между морфемами одного типа, но конституирующими слова разных лексико-грамматических классов. Эти различия обнаружены в наборе тех или иных фонологических моделей префиксов, в инвентаре используемых фонем, в комбинаторных свойствах и дистрибуции фонем, в соотношении слоговых и морфемных границ, в распределении ритмических структур.

Таким образом, всесторонний анализ отношений между единицами морфологического уровня (префиксами) и единицами звукового уровня дает возможность по-новому оценить характер этих отношений.

Библиография

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. - М., 1972.
2. Попова М.Т. Фонемный состав русской суффиксальной морфемы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1992.
3. Потевня А.А. Из записок по русской грамматике (1-2 тт). - М.: Учпедгиз, 1958.

ЛЕКСОФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС УМЛАУТА В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

А.А.Колесников

Белгородский госуниверситет

Методологические новшества современной компаративистики позволяют рассматривать германский умлаут с различных функциональных подходов. Данное явление – это и явление фонологическое, и морфонологическое, и морфологическое. Сюда также включены и данные исследований представителей сравнительно-исторического языкознания (прежде всего большой эмпирический материал по германскому умлауту), генеративной и «наивной» или «естественной» лингвистики, которые довольно часто несут в себе нетрадиционные и противоречивые сведения, но которые должны быть учтены и использованы при выработке современной точки зрения на германский умлаут.

Следует отметить, что наиболее удачная трактовка германского умлаута представлена в рамках морфонологии (Dressler, 1985; Макаев, Кубрякова, 1977) и морфонологии диахронической, процессуальной (Мигачев, 1991). Однако и морфонологическая интерпретация умлаута не всегда помогает объяснить функциональный статус умлаута, хотя лингвисты и указывают, что умлаут обладает определенным грамматическим значением в примерах типа нем. Garten — Gärten, Vater — Väter, Vogel — Vögel; англ. mouse — mice, goose — geese, louse — lice и т.п. (Мигачев, 1991: 139).

Морфонологическая интерпретация умлаута в рамках диахронической процессуальной морфонологии является, тем не менее, наиболее удачной с точки зрения выяснения функции умлаута в германских языках, причин его появления, распространения, а также элиминирования в отдельных

германских языках. Но функциональный статус умлаута не может однозначно трактоваться только как морфонологическое или же морфологическое явление. Различная трактовка умлаута связана, с одной стороны, с его объяснением с точки зрения синхронного подхода или в рамках диахронического исследования; с другой стороны, с обладанием им определенных лексофонологических функций, но специально не рассматриваемых лингвистами.

Представляется, что умлаут, поэтому должен также рассматриваться и как явление, которое на протяжении своего развития от чисто фонетического до морфонологического и морфологического начинает постепенно наделяться определенными лексическими функциями, т.е. он служит еще для различения лексических значений класса слов.

Выяснением лексической значимости умлаута должна заниматься, по нашему мнению, особая наука как лексофонология. Вместе с В.А. Мигачевым (см.: Мигачев, 1991: 6) мы принимаем положение, что умлаут, как и многие другие аналогичные явления (например, аблаут) подвергаются исследованию в рамках методики стратификационного анализа языковых единиц.

В.А.Мигачев отмечает: «Методика стратификационного анализа позволяет также вскрыть в языковой системе иные, отличные от прямых связей, «опосредствованные взаимодействия», к примеру, лексофонологические связи.... Такие явления должны рассматриваться как объекты лексофонологии (по аналогии с морфонологией): они отражают действующие в системе языка опосредствованные связи между фонологией и лексикой. Иными словами: использование лексическим уровнем фонологических средств языка» (Мигачев, 1991: 6).

Далее следует также согласиться с В.А.Мигачевым, который указывает на то, что эти прямые и опосредствованные связи могут быть подвергнуты как синхронному, так и диахроническому анализу (Мигачев, 1991: 6).

Необходимо предварительно отметить, что теория лексофонологии, в отличие от уже существующей морфонологической теории, еще не разработана. Однако методика, которая применяется для исследования различных языковых явлений (в том числе и умлаута), а именно морфонологический анализ, может быть использован и для выяснения лексофонологических связей, т.е., в данном случае, выяснение взаимодействия между уровнем фонологии и лексическим уровнем. Методом исследования здесь может выступать процессуальная реконструкция (Колесников, 1999: 6).

Умлаут, постепенно втягиваясь в систему фонологии и морфологии, взаимодействуя с этими близлежащими языковыми уровнями стратификационной модели языка, может также наделяться некими лексическими функциями и, следовательно, переходит уже на более высокий лексический уровень. Иными словами, умлаут как фонологическое явление (появление новых перегласованных фонем в системе) начинает определенным образом маркировать лексическое значение класса слов и, тем самым, выполняет

лексическую функцию. Неучитывание этого обстоятельства лингвистами привело: во-первых, к отсутствию возможности представить и объяснить существование палатальных перегласовок в отдельных классах слов; во-вторых, к невозможности определить его функциональную значимость; в-третьих, к невозможности провести процессуальную реконструкцию, которая, по нашему мнению, наиболее четко показывает как развитие данного феномена, так и его функциональную значимость.

Исследование умлаута как лексофонологического явления должно опираться на данные диахронии, диахронического морфонологического процесса с учетом всех его этапов: фонетического, фонологического, морфонологического, морфологического. Поскольку умлаут проявляет свое взаимодействие и с лексическим уровнем, то тогда можно говорить о новом этапе процесса, а именно лексофонологического этапа в рамках общеязыкового процесса развития перегласовок.

Умлаутированные фонемы маркируют не только морфемы и служат для выражения грамматического значения словоформ, но и выполняют уже лексические функции. Здесь следует подчеркнуть, что чисто лексические функции умлаут не может выполнять. Это объясняется тем, что умлаут: во-первых, не завершил свой окончательный переход на более высокий лексический уровень (выражение умлаутом определенного лексического значения не имеет повсеместного характера); во-вторых, это все же фонологическое явление, и мы не должны исключать данные фонологии. Поэтому целесообразно говорить о переходе определенного класса лексики, где существуют перегласовки, в область рассмотрения лексофонологии, т.к. здесь отчетливо наблюдаются «опосредствованные» связи между лексическим уровнем (новая лексема) и фонологическим уровнем (новая перегласованная фонема).

Наглядным подтверждением того, что умлаут выполняет лексофонологические функции, является обращение к диахронии германских языков. Только диахроническое рассмотрение данного явления вскрывает механизм появления данных альтернатив и четко разграничивает формы с перегласованными / неперегласованными фонемами, а также помогает объяснить функциональный статус умлаута.

Умлаут как явление переходит в область исследования лексофонологии только после завершения процесса фонологизации умлаутных альтернатив, т.е. после исчезновения причин, которые вызывали эти перегласовки (i,j). В рамках данного исследования мы ограничиваемся только i(j) – умлаутом. Случаи веларного и лабиального умлаута мы здесь специально не рассматриваем. Существование конечных (i,j) в древних германских языках может говорить только о фонетическом умлауте, т.к. он еще не обладает никакой функциональной значимостью и может легко устраняться системой.

В тех случаях, где процесс фонологизации завершился, может идти речь уже о лексофонологическом характере умлаутных альтернатив. Так

умлаут, как лексофонологическое явление, служит для различения лексических значений глаголов: да. fellan «валить» < да. *fellian < *falljan при отсутствии умлаута в исходной форме да. fallan «падать» [оппозиция сильный — слабый каузатив]. В древнеанглийском языке встречаются также и такие случаи умлаута у слабых глаголов как да. fyllan «наполнять» (гот. fulljan) < да. *fyllian < *fullian (< *fullianan), да. fylan «грязнить» < да. *fȳlian < *fūljan [оппозиция долгий — краткий гласный]. (Luick, 1964: 168-169, 174; Lass, 1995: 64). Данные примеры могут быть также объектом рассмотрения лексофонологии.

В диахронии немецкого языка умлаут как лексофонологическое явление также служит для различения глаголов: нвн./свн. setzen «сажать» < двн. sezzen < двн. *sezzian < *satjan при существующей форме нвн. sitzen «сидеть» < свн./двн. sizzen, нвн. legen «класть» < свн./двн. leggen (гот. lagjan) при существующей форме нвн. liegen < свн./двн. ligger [оппозиция сильный — слабый каузатив] (Braune/Mitzka, 1961: 133, 276, 282).

Таким образом, представленные примеры в диахронии немецкого и английского языков показывают умлаут как лексофонологическое явление. Следует также отметить, что для лексофонологического статуса умлаута значима оппозиция, например, сильный — слабый каузатив и, следовательно, различение глаголов на фоне различных корневых гласных (умлаут представлен у слабых каузативов), а не оппозиция умлаутированный / неумлаутированный гласный (т.е., например, а—ä), как это имеет место в морфонологии, т.к. в морфонологии реализуется совершенно другая функция умлаута, а именно функция ко-маркера грамматического значения (т.е. чередование форм в пределах одной лексемы).

Существующая «опосредствованная» связь между уровнями фонологии и лексики подчеркивает функциональный статус умлаута в германских языках. Только при диахроническом рассмотрении умлаута в процессе его развития возможно определить лексофонологический статус умлаута, его функцию и дальнейшее развитие, что способствует более полному и адекватному пониманию данного явления как языкового феномена.

Библиография

1. Колесников А.А. Германский умлаут как явление диахронического морфонологического процесса: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. — Белгород: Изд-во БелГУ, 1999.
2. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. Диахроническая морфонология древних германских языков // Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. — М.: Наука, 1977.
3. Мигачев В.А. Проблемы диахронической морфонологии германских языков (опыт реконструкции морфонологических процессов). — Белгород: БГПИ, 1991.
4. Braune W., Mitzka W. *Althochdeutsche Grammatik*. — Tübingen: Niemeyer, 1961.
5. Dressler W.U. *Morphology: The Dynamics of Derivation*. — Ann Arbor: Karoma, 1985.
6. Lass R. *Old English: A Historical Linguistic Companion*. — Cambridge: Univ. Press, 1995.

7. Luick K. Historische Grammatik der englischen Sprache. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1964. – Bd. I. – I.Abt.

ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Д.В.Лагоденко

Белгородский госуниверситет

На основании анализа функциональных и лингвистических характеристик тех разновидностей языка, каждая из которых обслуживает особое национальное единство, в отечественной социолингвистике было выделено особое понятие «национальный вариант языка». Под ним обычно понимается особая форма существования данного языка в отдельном социуме, представляющая собой совокупность территориального ограниченного варианта литературного языка (интердиалекта), социальных и территориальных диалектов, распространенных в пределах данного социума, и профессиональных языков данного региона.

Интерес к разговорному английскому Новой Зеландии возник еще со времен первых европейских поселений. Исследование этой проблемы освещает как историю происхождения Новозеландского варианта английского языка (НЗА) в качестве самостоятельного варианта английского языка, так и отношение к данному варианту.

До XX столетия дебаты о НЗА варианте или «колониальном говоре», как его часто называли, разгорались в основном на страницах таких периодических изданиях как «The Triad» и «NZ Journal Education». Главным источником информации были в основном доклады школьных инспекторов, ежегодно публикуемые в примечаниях парламентских вестников, где они высказывали свою озабоченность об уровне языка в школах, в частности произношения.

Исследования этих данных приводят к определенным выводам, а именно: начиная с 1880 года (дата опубликования первых докладов инспекторов) до начала XX столетия, озабоченность в основном вызывали такие явления как разговорная ассимиляция и элизия (compru вместо company, actuly вместо actually, famly вместо family и т.д.), а также тип произношения, который ассоциировался с произношением нестандартного варианта английского языка, отсутствие придыхания и использование формы in' вместо ing.

Одновременно с критикой новозеландского произношения стали появляться и позитивные высказывания о новозеландской речи. Так, основываясь на своих исследованиях в области колониальных диалектов, Самюэль МакБерни, учитель английского языка и пения, в своей статье, написанной для газеты «The Press», отмечает чистоту произношения в колониях по сравнению с некоторыми районами Великобритании (Samuel McBurney, The Press, 5th October 1887).